

ДРЕДНОУТ:

ЭХО ЗАБЫТОГО ПОЛЕТА

ДМИТРИЙ ВЕКТОР

Дмитрий Вектор

Дредноут: Эхо забытого полета

<https://litres.ru/73497907>

SelfPub; 2026

Аннотация

Триста лет назад межзвездный дредноут рухнул на отравленную Землю и стал Ковчегом последним городом человечества. Задыхаясь в кислотных дождях, гигантский мегаполис медленно умирает. Частный детектив Артём Вейс брался за рядовое дело о пропавшем корпоративном технике, но нашел лишь труп с вырезанным блоком памяти. Случайно скачав фрагмент чужих воспоминаний, Артём запускает цепь необратимых событий.

Оказывается, легендарный гипердвигатель корабля всё ещё жив, и группа инженеров готова запустить его, чтобы вырвать город из пустошей. Но корпоративный синдикат Орбиталь уже готовит тайную эвакуацию только для элиты, и восемь миллионов жизней в их планы не входят. У Вейса есть всего три недели, чтобы вычислить предателя, пережить охоту элитных киллеров в ржавых недрах корабля и заставить дредноут вспомнить, что он был рожден для полета.

Содержание

Глава первая. Мёртвые синапсы.	4
Глава вторая. Ржавые артерии.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дмитрий Вектор

Дредноут: Эхо забытого полета

Глава первая. Мёртвые синапсы.

Кислотный дождь в Секторе-4 никогда не заканчивается. Он просто меняет интенсивность – иногда капает лениво, как сломанный кран, иногда лупит по титановым перекрытиям так, что думаешь: вот сейчас обшивка не выдержит и многотонное тело «Ковчега» наконец сложится само в себя, погребя под ржавыми ребрами то немного, что ещё называет себя человечеством.

Сегодня дождь был злым.

Я стоял на посадочной платформе уровня Д-7, засунув руки в карманы прожжённого плаща, и смотрел вниз. Там, за жёлтым туманом, пульсировали неоновые артерии Нижнего Города – синий, красный, грязно-оранжевый. Красиво, если забыть, что большая часть этого света исходит от реактивных выбросов мусоросжигателей и рекламных голограмм борделей. Красиво, если вообще не думать. Последнее у меня никогда не получалось – профессиональная деформация частного следователя с десятилетним стажем.

Меня зовут Артём Вейс. Тридцать восемь лет, левый глаз заменён оптическим имплантом третьего поколения, три ребра – титановые пластины после давней истории с корпоративными боевиками «Меридиан-Групп», которую я предпочитаю не вспоминать за ужином. Лицензированный детектив, берусь за розыск пропавших людей и корпоративный шпионаж. Не берусь за убийства. Принципиально.

Хотя убийства, как водится, сами находят меня.

Тело лежало у вентиляционной шахты – лицом вниз, руки раскинуты, словно человек упал прямо на бегу и земля просто не захотела его отпускать. Я обошёл его медленно, по широкой дуге, как учили ещё на старой службе: смотри сначала на периметр, потом на жертву. Периметр был пуст: платформа заброшена, дроны-уборщики здесь не появлялись, судя по слою машинного масла и мусора, уже несколько месяцев. Хорошее место, чтобы кого-то убить и не торопиться с уборкой.

Я присел. Мой оптический имплант тихо зажужжал, перебирая режимы – ультрафиолет, тепло, спектральный анализ. Убитый был аугментирован серьёзно: подкожная броня третьего класса, хромированные суставы на запястьях, нейрошунты за ушами – парные, дорогие, с фирменными логотипами «Орбиталь Инжиниринг». Такие люди не шатаются по заброшенным платформам Сектора-4 без весомой причины. И уж точно не умирают здесь от несчастного случая.

На затылке – аккуратный хирургический разрез. Кто-то

вскрыл черепную пластину и извлёк блок кратковременной памяти. Профессионально, почти нежно. Не вырвал с мясом, не взломал силой – просто вынул, как батарейку из игрушки. Именно это меня и беспокоило больше всего: не жестокость, а точность.

Это был уже третий за неделю.

Первый – механик с орбитальной станции «Купол-9», найденный в доке Сектора-2. Второй – программист из аналитического отдела той же станции, обнаруженный в ирригационных тоннелях уровня Г-3. Все трое – сотрудники «Орбиталь Инжиниринг», все трое лишены блоков памяти. Заказ на розыск первых двух мне принесла страховая компания. Тогда я ещё думал, что это обычная корпоративная зачистка – слили секреты, получили пулю. Привычная история.

Третий сломал эту логику.

Я медленно вытащил из внутреннего кармана диагностический кабель – тонкий, гибкий, оплетённый в чёрную резину. Старая привычка: всегда носить с собой инструмент, который официально не существует в моём лицензионном реестре. Подключился к уцелевшему шейному порту мертвеца и сразу почувствовал, как система безопасности мгновенно ощетинулась – разряд прошёл по кабелю и ударил в основание черепа, заставив зубы сжаться. Холодный, противный удар, как от случайного касания оголённого провода под напряжением.

Мой лёд-брейкер – самодельный, собранный из трёх разных поколений железа – скрипнул, как старый замок, и начал работу. Восемь секунд. Потом девять. Я считал их, глядя в мутный, залитый жёлтым туманом горизонт и чувствуя, как затылок начинает гудеть от напряжения.

На десятой секунде система рухнула.

Чужие воспоминания – это всегда странно. Они не похожи на собственные: пахнут иначе, имеют другую текстуру, какую-то чужеродную плотность. Я провалился в короткие, дёрганные вспышки. Бескрайний чёрный космос за иллюминатором – реальный космос, не голограмма, настоящая звёздная пыль и бесконечность. Потом – чертежи. Я плохо понимаю в инженерии, но даже мне хватило секунды, чтобы осознать: это не оружие. Слишком сложно, слишком масштабно, и в схеме явно просматривался принцип, который я последний раз видел в музейных экспонатах – гипердвигатель. Мёртвый, легендарный, считавшийся уничтоженным вместе с дредноутом при падении.

Последний фрагмент был самым чётким.

Женское лицо – молодое, тёмные глаза, короткие волосы, и шрам на правой щеке в виде созвездия Ориона: три точки, почти идеальный треугольник, явно нанесённый намеренно, а не случайно. Она смотрела прямо в камеру – или в глаза того, кто записывал этот момент – и произнесла тихо, почти без интонации:

– Исход начинается здесь.

Связь оборвалась. Вместе с ней – и моя уверенность в том, что я понимаю, во что ввязался.

Я выдёргивал кабель уже на рефлексах, потому что дозиметр на запястье взвыл раньше, чем мозг успел обработать сигнал. Электромагнитное поле – плотное, направленное, явно от тяжёлой штурмовой брони. Такое поле заглушает полицейские маячки в радиусе пятидесяти метров. Кто-то не хотел, чтобы эту встречу кто-то услышал.

Я перекатился – вправо, за остов мёртвого грузового дрона – за долю секунды до того, как бетон на месте, где я стоял, взорвался плазменным зарядом. Жар обдал лицо, в ушах зазвенело. Я прижался к ржавому металлу, стараясь дышать ровно, и скосил взгляд из-за укрытия.

Их было трое.

Штурмовая броня «Орбиталь» – матово-чёрная, с красной полосой на плечах, означавшей элитное подразделение зачистки. Они шли треугольником, слаженно, без единого лишнего движения. Не говорили между собой, не переглядывались. Двигались, как один организм с тремя телами – тактическая нейросеть, скорее всего. Дорогая игрушка, сводящая людей в единый боевой разум.

Я выдохнул, взвёл импульсный револьвер и переключил имплант в тепловизионный режим. Три ярких силуэта сквозь дрон-скелет. Центральный – чуть впереди, командир. Я выстрелил, не высовываясь из-за укрытия, ориентируясь только по тепловой картинке. Заряд пробил броню на уровне

правого плеча – не насмерть, но достаточно, чтобы командир отлетел к стене и сбил синхронизацию строя на пару секунд.

Двое оставшихся ответили сразу – плазма прошла по дрону выше моей головы, разрезая металл, как бумагу. Запахло жжёным железом и чем-то химическим, кислым. Ещё одна очередь – ниже, почти у самого пола.

Они пристреливались.

Я понял, что у меня есть секунд двадцать до того момента, когда они возьмут точные координаты и следующий выстрел превратит мой импровизированный щит в решето вместе со мной. Над головой надсадно скрипел ржавый дрон, медленно оседая под ударами – и внезапно я увидел его. Вентиляционная шахта в полу, прямо за трупом техника. Решётка на болтах, но болты сгнили – видно по рыжим потёкам на бетоне.

Двадцать метров по открытому пространству.

Я активировал магнитные ботинки и сделал самую глупую вещь в своей жизни: поднялся в полный рост и побежал.

Плазменные заряды рвали воздух вокруг меня – один прошёл в сантиметре от правого плеча, я почувствовал, как вскипела ткань плаща. Второй ударил в бетон впереди, выбив облако пыли и острой крошки. Я не останавливался, не петлял – просто бежал по прямой, потому что петлять было уже некогда. Пнул решётку – она слетела с гнилых болтов с неожиданно жалобным звуком, как последний вздох – и прыгнул.

Тьма приняла меня немедленно и без лишних церемоний. Магнитные ботинки схватились за металлическую стенку шахты, замедлив падение до управляемого скольжения. Я несся вниз в абсолютной темноте, слыша над головой грохот выстрелов и яростный металлический лязг – наёмники пытались вскрыть решётку. Имплант переключился в ночной режим сам, без команды, и перед глазами поплыла зернистая серо-зелёная картинка: бесконечная труба, уходящая в глубину корабля.

Вниз. В самое нутро «Ковчега».

Я не знал, сколько уровней проходил – считал на слух по металлическим меткам, мелькавшим в луче импланта. Сектор Д. Е. Ж. Уровни опускались всё ниже, воздух становился гуще, теплее, и к запаху машинного масла прибавился ещё один – старый, сухой, почти музейный. Запах законсервированной истории. Так пахнут отсеки, которые никто не открывал лет двести, если не больше.

На уровне 3-12 шахта кончилась горизонтальным коленом, и я вывалился из неё прямо на прогнувшийся металлический пол заброшенного технического коридора. Встал, опёрся о стену, перевёл дыхание. Сердце колотилось так, что, казалось, слышно было даже сквозь титановые рёбра.

Где-то далеко наверху гулко рокотало – то ли наёмники, то ли сам корабль скрипел в своих вечных, несмолкающих снах о полёте.

Я достал потрёпанный нотификатор и открыл файл с де-

лом. Три трупa. Три блока памяти. Женщина со шрамом. Гипердвигатель, который не должен существовать. И одно слово: «Исход».

Пальцы нашли в кармане сигарету – последнюю из пачки, которую я берёг на совсем уж чёрный день. Видимо, он настал. Закурил, глядя в темноту коридора, где мой имплант уже различал очертания тоннеля, уходящего куда-то в сторону главных инженерных уровней.

Там внизу прятались ответы.

Или то, что убивало людей за то, что они эти ответы знали.

Разницы, по большому счёту, не было. Идти нужно было в любом случае.

Глава вторая. Ржавые артерии.

Нижние уровни «Ковчега» – это не просто заброшенные отсеки. Это другое время.

Здесь, на глубине инженерных палуб, корабль перестаёт притворяться городом и вспоминает, чем был на самом деле: межзвёздным дредноутом класса «Левиафан», рождённым для пустоты между звёздами. Потолки уходят вверх на двадцать метров – не потому что архитекторы любили простор, а потому что здесь когда-то перемещались многотонные модули оборудования. Трубопроводы толщиной с мой торс тянутся вдоль стен, покрытые столетиями конденсата и ржавчины – красивой, почти декоративной, цвета запёкшейся крови. Гравитационные генераторы здесь работают через раз: каждые несколько метров я чувствовал, как тело становится чуть легче, а потом снова обретает привычный вес. Слово корабль дышит – медленно, тяжело, через силу.

Я шёл уже минут сорок, ориентируясь по старой схеме, которую вытащил из архивов «Ковчега» ещё три года назад – на тот случай, если когда-нибудь понадобится здесь. Схема была неполной: нижние уровни за последние триста лет перестраивали раз семь, и официальная картография давно расходилась с реальностью. Но общие артерии – главные коридоры, питающие реакторный сектор – оставались теми же. Дредноуты строили с запасом на вечность. Хотя бы в этом

их создатели не ошиблись.

Сигарета давно кончилась. Во рту остался привкус горечи и синтетического табака – того дешёвого, что делают из переработанных водорослей в Секторе-9. Пить тоже хотелось. Я давил на эти мысли методично, как давят таракана ботинком – не со злостью, а с механической необходимостью.

Первый звук я услышал задолго до того, как увидел источник.

Металлический лязг, потом скрежет, потом – голоса. Не слова, только интонации: кто-то что-то требовал, кто-то отвечал уклончиво. Я замедлил шаг, прижался к трубопроводу и переключил имплант в режим направленного слуха, усиливающего звук в конусе обзора.

–..сказал, что плачу после. Это стандартная схема, Рыжий, не делай вид, что первый раз слышишь.

– Стандартная схема – это когда клиент живой приходит, а не волочится по стенке. – Второй голос был хриплым, как у человека, давно живущего в местах с плохой вентиляцией. – И потом, у меня с «Орбиталью» сейчас нехорошо. Они приходили три дня назад. Спрашивали про тех, кто с верхних платформ приносит нежелательный груз.

– Я не нежелательный груз. Я покупатель.

– Ты – головная боль на двух ногах, Свист. Разница небольшая.

Я осторожно выглянул из-за трубы.

Коридор расширялся в небольшой технический узел –

один из тех перекрёстков, где когда-то стояли контрольные панели и операторские посты. Сейчас здесь стоял стихийный рынок: три-четыре разложенных прямо на полу брезента с запчастями, инструментами, консервами без этикеток. Свет – от самодельных ламп на биотопливе, которые горели холодным синеватым огнём и воняли рыбьим жиром. Их было человек восемь – разномастных, в рабочих комбинезонах разной степени убитости, с тем особым выражением на лицах, которое я научился читать безошибочно: усталость пополам с готовностью к насилию.

Техно-мародёры. Нырятьщики в ржавчину, как их называли в Верхнем Городе. Люди, живущие за счёт того, что «Ковчег» держит в своих нижних палубах – оборудование, сырьё, артефакты из эпохи до падения. Не самые плохие соседи, если не наступить на большую мозоль.

Двое из них уже смотрели в мою сторону.

Я вышел из тени медленно, держа руки на виду – не поднятыми, что было бы театром, а просто открытыми, без оружия. Базовый язык нейтралитета, который понимают даже в самых диких углах «Ковчега».

– Добрый вечер, – сказал я. – Или утро. Здесь не разберёшь.

Тот, кого называли Рыжим, оказался невысоким плотным мужиком лет пятидесяти, с лицом, испещрённым шрамами от химических ожогов – видимо, где-то нарвался на прорыв кислотного конденсата. Левый глаз у него был стеклянным,

явно самодельным – не имплант, а просто протез, даже не пытавшийся имитировать живой взгляд. Он смотрел на меня этим мёртвым глазом с интересом коллекционера, разглядывающего неизвестный экспонат.

– Сверху? – спросил он без предисловий.

– С Д-7, – ответил я честно. Врать людям, которые знают свои тоннели лучше, чем собственные карманы, было бессмысленно.

– Слышали взрывы, – сказал второй, тот самый Свист – молодой парень с обкусанными ногтями и нервными руками, которые никак не могли успокоиться. – Плазменные. «Орбита» опять кого-то гоняет?

– Меня, – сказал я. – Но я убежал.

Рыжий хмыкнул. Не весело – скорее, задумчиво.

– Надолго к нам?

– Ищу Доктора Ноль.

Тишина стала заметной. Не напряжённой – просто все разом чуть замерли, как бывает, когда произносят имя, которое принято произносить тихо.

– Это дорого стоит, – сказал наконец Рыжий. – Информация о местонахождении Ноля.

– Я заплачу.

– Чем?

Я вытащил из нагрудного кармана маленький кристалл памяти – запасной, чистый, ёмкостью в три терабайта. На нижних уровнях такое ценилось не за информацию, а за сам

носитель: там паяли из них самодельные системы навигации и управления вентиляцией. Рыжий взял кристалл двумя пальцами, поднёс к стеклянному глазу и долго смотрел на свет.

– Идёмте, – сказал он.

Доктор Ноль жила в бывшем медицинском отсеке уровня 3-15 – там, где три века назад корабельные хирурги латали экипаж после учебных боёв и технических аварий. Рыжий привёл меня туда через серию коридоров, которые я бы никогда не нашёл по схеме: они были прорублены прямо сквозь переборки, с такой небрежной уверенностью, что сразу становилось ясно – люди здесь живут давно и давно перестали считать корабль чужим имуществом.

Доктором Ноль оказалась женщина под шестьдесят, маленькая, с аккуратно подстриженными седыми волосами и руками, которые двигались с той точностью, которая бывает только у людей, всю жизнь занимавшихся мелкой ювелирной работой – или нейрохирургией. Скорее всего, обоим сразу. Она посмотрела на меня без особого интереса – так смотрит врач, которому принесли пациента в очевидно плохом состоянии, и он уже примерно понимает, с чего начать.

– Садитесь, – сказала она, кивнув на кресло, явно снятое когда-то с операционного поста. – Рыжий сказал, что вас гонят сверху. Но вы пришли не за этим.

– Нет, – согласился я. – Мне нужно расшифровать координаты из фрагмента памяти.

– Из чьей памяти?

– Из мёртвой.

Она помолчала секунду. Потом кивнула – деловито, без лишних вопросов. Это меня в ней сразу расположило.

Процедура заняла около получаса. Ноль подключила меня к своей аппаратуре – самодельной, но удивительно аккуратной, собранной из компонентов трёх разных эпох – и начала вытягивать из моего импланта записанные фрагменты чужой памяти. Я сидел с закрытыми глазами и снова переживал их: космос за иллюминатором, чертежи, лицо женщины. «Исход начинается здесь». На этот раз я заметил детали, которые пропустил в спешке: в углу кадра с чертежами мигала координатная метка – цифровая строчка, слишком короткая для обычного адреса, слишком структурированная для случайного артефакта.

– Интересно, – произнесла Ноль тихо, глядя в экран. – Это не стандартный координатный формат «Ковчега». Это внутренняя система навигации дредноута – оригинальная, корабельная. Такой не пользовались лет двести.

– Можете расшифровать?

– Уже. – Она развернула ко мне экран. – Реакторный сектор, уровень К-2. Там, где главный двигательный блок. Или то, что от него осталось.

Я смотрел на координаты и чувствовал знакомое ощущение – то самое, которое приходит в середине расследования, когда несвязанные факты вдруг начинают собираться в фи-

гуру. Не приятное, если честно, ощущение. Скорее похожее на то, как чувствуешь, что за спиной кто-то стоит – ещё не обернулся, но уже знаешь.

– Вас послала «Орбиталь»? – спросила Ноль, не отрывая взгляда от экрана.

– Нет.

– Тогда кто?

– Страховая компания. – Я немного помолчал. – Хотя я начинаю подозревать, что это уже не имеет значения.

Она повернулась ко мне. Посмотрела долго – тем взглядом, которым смотрят на человека, пытаясь понять, насколько он понимает, во что влез.

– Три трупа с вырезанными блоками памяти, – сказала она медленно. – Все с «Купол-9». Я слышала. У нас здесь нет ни новостей, ни сети, но слухи ходят быстро. – Она помолчала. – Последние два года «Орбиталь» методично скупала технические архивы корабля. Всё, что связано с оригинальной системой двигателей. Платила безумные деньги. Потом вдруг перестала. Просто – перестала. Как будто нашла то, что искала.

– Или поняла, что кто-то другой нашёл раньше, – сказал я. Ноль кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.